

Итак, «летописные книги», «царские памятописные книги» и «уставные царские» наряду с ортодоксальной церковной литературой имеют право на существование. Это помогает понять судьбу не только тех памятников, которые «исчезли» из рукописной традиции XVI в., но и тех, которые в ней сохранились. Сербская «Александрия», появившаяся в XV в., как отдельное произведение — рыцарский роман, видимо, не удовлетворяла придирчивых цензоров XVI в.; но хронографическая «Александрия», существовавшая лишь как часть «летописных книг» (в том числе Хронографа 1512 г.), не вызывала возражений. «Троянская притча» также существовала лишь как часть исторических компиляций — Хронографа, Хроники Манассии и первого (библейско-исторического) тома Лицевого летописного свода XVI в. (в этом томе была помещена и «Троянская история» Гвидо де Колумна<sup>120</sup>). Отдельный текст сказания о Китоврасе (ефросиновский) исчез из рукописной традиции, но легенды о Соломоне и Китоврасе внутри Хронографической Толковой Палеи продолжали переписываться: их, очевидно, надежно защищал основной текст Палеи — церковно-полюемического памятника, направленного против иудаизма и очень полезного при полемике с любыми антиринитарными ересями. Пиэтет по отношению к «царским памятописным книгам», обнаруживаемый официальной идеологией, объясняет и судьбу Хроники Мартина Бельского на Руси. Хроника эта, несмотря на присущие ей светские и гуманистические тенденции, была переведена при Иване Грозном, она надежно хранилась в царском архиве, выдавалась самому царю, а если использовалась, то, видимо, лишь для официального летописания.

Сохранились в рукописной традиции XVI в. и некоторые отдельные памятники светской литературы, как «Прение живота и смерти» и «Повесть о Динаре». Судьба диалога человека со смертью в русской литературе была своеобразной: сюжет этот, тесно связанный в западной литературе с темой природного равенства всех людей, со времени проникновения на Русь получил совсем иное звучание. Переведенное, по всей видимости, в противоречивом кружке новгородского архиепископа Геннадия, «Прение живота со смертью» (как показывает еще не завершённое исследование Р. П. Дмитриевой) переписывалось и распространялось в первую очередь в Иосифовом Волоколамском монастыре: напоминая людям о неизбежной смерти, русские редакторы «Прения» сопоминали его дополнениями в духе иосифлянской идеологии. Именно поэтому памятник этот не смущал иосифлян и в последующий период: в XVI в. был сделан даже перевод польского диалога со смертью («Сказание о смерти мистра некого») — один из немногих прямых переводов с польского, появившихся в этом веке.<sup>121</sup> Распространялась в списках XVI в. и «дивная повесть зело полезна о девице, Иверского царя дщери, Динаре царице» — рассказ о грузинской царице Динаре, разбившей врагов с помощью бого-

<sup>120</sup> См.: В. Н. Шепкин. Лицевой сборник Имп. Исторического музея. — ИОРЯС, т. IV, кн. 4. СПб., 1900, стр. 1345—1385; А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI в. СПб., 1900 (оттиск из ИОРЯС, т. V, кн. 3), стр. 4. Этот сборник и Лицевой летописный свод XVI в. в целом исследован также Т. Н. Протасевой в ее неопубликованной работе (ср.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. Из истории русского лицевого летописания XIII—XVI вв. Автореферат диссертации. М., 1961, стр. 19).

<sup>121</sup> Ср.: А. С. Croiset van der Korp. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen. I. De morte prologus. Berlin, 1907 (параллельно польский и русский текст). Любопытно, что древнейший список перевода (ГБЛ, Волок., № 573, лл. 48—52) — это сборник Волоколамского монастыря, содержащий рядом со «Сказанием о смерти мистра некого» ояд посланий и других сочинений Иосифа Волоцкого (ср.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л. 1959, стр. 134).